

У Ланового была роль, по обстоятельствам своего рождения — единственная, по сути своей — не лишняя тайны. Хотя можно пренебречь и обстоятельствами, и тайной, коль скоро речь идет о красивом и благородном Калафе из «Принцессы Турандот» — театральная заразительность, легендарная праздничность этого спектакля сегодня самоценны. А если не пренебрегать?

В последнюю зиму Евгения Вахтангова, 70 с лишним лет назад, родилась «Принцесса Турандот». И до сих пор нет простого объяснения — почему последнее слово, если угодно, исповедь человека, чувствующего в себе смерть, преисполнены такой беспредельной, летящей, увлекающей высь, лишенной житейских аналогов радости? Ему только что исполнилось 39 лет, а этому возрасту вроде бы несвойственна мудрость, помогающая отрешиться от земного. Вряд ли его отличала и религиозность — этого бунтаря, в юности ушедшего из богатого дома, немогогласно, но непреклонно отрешившегося от своего идеалистического отношения к Станиславскому, Сулержицкому, Мейерхольду. Какую последнюю истину открыл этот замечательный грешник, умерший с бокалом шампанского в руках, в окружении благоговейно преданных учеников, которым оставлял он очень непростое завещание — разгадать тайну его последней улыбки?

Когда в 1963 году Рубен Симонов стал возобновлять «Принцессу Турандот», вряд ли он надеялся разгадать эту тайну. Очевидно другое — он хотел

ласать жизнь его поколения. Но парадоксы, всегда переполнявшие Вахтанговский театр и, видимо, чересчур заразные, не замедлили сказаться и здесь.

Долгое время в заслугу Лановому ставилось «развенчание» своего героя — преодоление эгоизма и возвращение в коллектив — излюбленная тема советского кинематографа. Но те 40 лет, что прошли после «Аттестата зрелости», парадоксы выявили и заставили увидеть в «перевоспитавшемся» юноше... будущего Зилова, которого Валентин Распутин называет «героем нашего времени». Драма Листовских, не ставших за эти годы счастливее, из ряда преодолимых явлений переросла в боль, и беду, и знак последующих поколений. По годам Зилов чуть моложе «повзрослевшего» Листовского, но Александру Вампилову, автору «Утиной охоты», в 54-м было 17 лет. Совпадение, куда более логичное, чем схема-легенда об актере, живущем в безмятежном ладу со своим поколением. Понятно, что не о художественной преемственности героев здесь речь, всего лишь о том, что «благополучная» роль, разгаданная временем, теперь кажется предостережением — нашей сегодняшней обреченности. И — предчувствием Зилова.

Дальше была «грешная» роль — Павел Корчагин. Еще бы не грех, когда твои фотографии «в образе» расходятся по плакатам, в которых на все времена задана революционность нашей эпохи: страстный (на плакатах, естественно, молчаливый) призыв Павки мог с одинаковым основанием относиться и к целинникам, и к героям истории, и к бамовцам. В плакатах основание, возможно, и было. Фильм же скоро исчез с экранов, а потом появился и другой Павка, который был более сговорчив с литературным пер-

Понятно, что коль скоро речь идет о Дон Гуане в «Маленьких трагедиях» или Цезаре в «Антонии и Клеопатре», попадание здесь прямое. Но и арбузовский текст «Иркутской истории» и «Ожидания» звучали на этой сцене как романтическое откровение, а Виктор и Паоло, герои Ланового в этих спектаклях, представляли рыцарями высокой пробы.

«Вахтанговская кровь» не давала покоя и в кино. Убежденный мечтой, творил чудо его Артур Грей («Алые паруса»). Да и современные герои, написанные в сценарии «без затей», зачастую одной краской, — Алеша Максимов («Коллеги»), Олег Тулин («Иду на грозу»), Иван Варавва («Офицеры»), Командор («Анна и Командор») — без труда одолевали поставленную им планку, уносясь, влекомые актером, в романтические дали и захватив с собой жаждущего того зрителя. Как буквально Лановой воспринял первую фразу романа «Иду на грозу»: «Волшебник прилетел в Москву...» После загадок, преодоленных Калафом, Олегу Тулину-Лановому ничего не стоило вызвать грозу, очаровать весь мир, что он и делал, с тем же азартом и «куражом». Правда, герой здесь был попроще, да и ставка поменьше.

Даже из стойкого советского офицера Ивана Вараввы Лановой умудрился вытащить его слабину — через жизнь пролепшую любовь к Любаше. Не батальными сценами и ратными подвигами помнится этот фильм, а охапкой полевых цветов, протянутых героине с крыши идущего товарняка да теми ромаш-

Калаф, ученик Турандот

приобщить к ней тех, кто неисповедимой игрой судьбы уже вступил в Вахтанговское братство — Юлию Борисову, Людмилу Максакову, Николая Гриценко, Михаила Ульянова, Юрия Яковлева, Василия Ланового. А братство это было — может быть монастырская замкнутость Первой студии МХТ, на которой в молодости был сосредоточен их Учитель, через многие годы сослужила верную службу, может быть, своеобразие памяти о нем первых вахтанговцев, для которых каждый год, прожитый «сверху» его возраста, обаял к постоянным терзаниям вопросом: прожил я этот год или пробежал? Не всегда этот и подобные ему вопросы звучали в спектаклях, не только высокие помыслы составляли художественную жизнь Театра Вахтангова — но мужественное проживание своей судьбы, без попыток спрятаться от нее, слухавить с ней отличало первых вахтанговцев и позволило им, сердцем и памятью вернувшись в свою молодость, совершить почти ритуальный акт: провести через репетиции «Принцессы Турандот», — через боль и отчаяние тех, подле умирающего Вахтангова, ночей — талантливых и прекраснотупших актеров, которые еще на несколько лет отсрочили гибель Вахтанговского театра.

Василий Лановой был среди них. Небрежным взглядом окинув себя в одеянии принца Калафа и убедившись, что оно впору, Лановой с азартом ушел в перипетии судьбы своего героя — за ее сказочной занимательностью он увидел совсем несказочную предопределенность. «Судьба», «смерть» — понятия, столь частые в этом «легкомысленном» спектакле, Калафу особенно близки. Игра, в которую вовлечены все персонажи, здесь приобретает роковой оттенок. Рискну предположить, что с Калафом у Вахтангова были связаны личные, сокровенные ощущения. Во взрывной фразе Калафа «Иль Турандот, иль смерти!», на которой Вахтангов построил знаменитую «звуковую дугу» (взлетающая и мгновенно срывающаяся вниз интонация) был вызов судьбе от героя, разгадавшего ее игры. Мечтательный принц остался на страницах сказки, на сцене Вахтангову был нужен герой дерзкий, который, и на волосок от гибели находясь, не сдастся на милость победившей, но будет жить с отчаянием, волей, находя упоение и в последней улыбке Турандот, сполна переживая каждый миг отпущенного земного бытия. Был у Вахтангова этот святой обман — неверие в свой скорый уход. И как простоудно вступал он в сговор с собственной судьбой, ставя спектакль о том, как Турандот пощадила, а Калаф обрел недоступное.

В этом насквозь загадочном спектакле была и тайна личная, Лановому принадлежащая. В Калафе он ориентировался на Сиду, желанную, но так и несыгранную роль. А потому мятежный дух, роковой выбор для Калафа были органичны, окутывая сказочную историю магией трагедии, участником которой, волею судьбы становился всякий, кто входил в очерченный маем 22-го года «круг «Турандот».

В Калафе на сцену Вахтанговского театра Лановой вышел уже знаменитым. На репетициях Рубена Симонова работал актер, природой своей приговоренный к вахтанговской сцене и интуитивно, с юности, познающий ее негласные законы. Да и судьба благоволила, складываясь в расхожую театральную легенду: студия при ДК ЗИЛА, Щукинское училище, «звездный» дебют, совершенно необходимый в такого рода легендах. Валентин Листовский, его первая кинороль в «Аттестате зрелости», вроде бы легенду продолжала: темой молодого актера станови-

воисточником.

Павел Корчагин, тот, первый, никого и никуда не звал. Ему бы с собой разобраться, с собой совладать. «Главной темой фильма стало преодоление страдания силой веры, веры долгу и идее», — говорил Лановой. Жертвенность. Долг как роковая предопределенность. По силам ли социальному герою и приблизиться-то к таким понятиям? Скорее, в этой роли тоже тайно присутствовал Сид. И был, кстати. Уничтожил революционную накипь, увел к темам вечным, с которыми, пусть бессознательно, иногда нужно оказаться с глазу на глаз, впустить их в себя.

Лановой стал актером в годы, когда отчаянно путали романтику и романтизм. Герои революции, войны, комсомольских строев, покорители целины, моря, неба, а также прогнанных социальных устоев — вот куда уходили богом посланный дар, пылкость души и годы, годы, бесценные и безвозвратные годы его ровесников, да и тех, кто старше, да и тех, кто моложе. Типичность — и собственной судьбы, и судьбы своих героев — была желаемой. Избранность не замечалась.

Ланового спасал Вахтанговский театр, с его культом неповторимости, с его пренебрежением реализмом в изображении суровой действительности. Вахтанговский театр всегда сам творил свой собственный мир романтической красоты, свою тайную мелодию, которая расколдовывала благородные души и уничтожала этот мелкий, в той или иной мере сидящий в каждом из нас страх: страх своих порывов, безудержных страстей. В этом зале они становились желанными.

ками, что через годы сорвал седой генерал с клумбы у устрашающего вида военной цитадели.

Первая Турандот, Цецилия Мансурова, встретила Ланового в Щукинском училище. С ней связана память — неповторимого ее облика, заводной стремительности, «нездешности», «залетности» в наше мрачное и скучное время. И опять романтизм не в моде. И «залетность» не в чести. По телевизору крутят бесконечную череду старых фильмов и спектаклей, где красота облика и ослепительность страстей принца Калафа, ученика Турандот отзываются благодарной влюбленностью в его вахтанговское вероисповедание и горькими-горькими думами о том, как быстротечно время.

Вот и время третьей «Принцессы Турандот» наступило. Показанная в день 70-летия театра, она еще раз подтвердила: где нет памяти, там нет добра и красоты. И те самые вахтанговцы, с «солнцем в крови» рожденные, которым удалось на три десятилетия отсрочить гибель Вахтанговского театра, должны быть, воочию видят ее в «Принцессе Турандот» нынешней.

И Лановой среди них. В свои сегодняшние шестьдесят!

Ольга ПИНИЖИНА.

Фото Николая Самойлова.